

Александра Никитична Анненская

Младший брат

Александра Анненская
Младший брат

«Public Domain»

1889

Анненская А. Н.

Младший брат / А. Н. Анненская — «Public Domain», 1889

«Закутавшись в теплые шубы, теплые сапоги и теплые шарфы, семейство уселось в карету. Был второй день рождественского праздника, на дворе стоял сильный мороз, но дети не чувствовали холода; Боря с Жени находили даже, что в карете слишком душно и упростили отца позволить опустить одно стекло. Они оба были в самом возбужденном, веселом расположении духа; наперебой сочиняли разные глупости, хохотали, болтали, не умолкая ни на минуту...»

Содержание

Глава I	5
Глава II	10
Глава III	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александра Никитична Анненская

Младший брат

Глава I

– Как несносно ездить куда-нибудь с девочками! – недовольным голосом заметил тринадцатилетний гимназист, Митя Петровский, расхаживавший давно уже нетерпеливыми шагами по просторной столовой комнате. – Посмотри, – обратился он к младшему брату, занимавшемуся, за неимением лучшего дела, лазаньем на стол и под стол, – уже три четверти шестого; тетя просила приехать не позже шести, а они все еще изволят заниматься своим туалетом!

– Известное дело, девчонки! – вскричал Боря, шумно соскакивая со стола, – пока они наденут по десять юбок, да расправят разные кантики, бантики, – умный человек может десять раз сойти с ума от скуки.

Вероятно, чтобы предохранить себя от этого ужасного несчастья, «умный человек» готовился возобновить свои гимнастические упражнения, но в эту минуту дверь отворилась и в нее вбежала прелестная восьмилетняя девочка.

– Наконец-то! – вскричал Боря.

– Да я давно готова, это все Веру не могли причесать, как следует, – отвечала девочка.

– А ведь ты, Жени, прехорошенькая! – заметил Митя, оглядывая девочку с ног до головы.

Братья редко говорят подобные комплименты своим сестрам, но надобно заметить, что Жени вполне заслуживала лестное замечание брата. Трудно было себе представить более прелестную детскую головку, более изящную детскую фигурку. Голубое бережливое платьице как нельзя более шло к ее нежному, беленькому личику, ее ясным голубым глазкам, и длинным светло-русыми волосами.

– Ну, а я, Митя, какова? – раздался сзади нее голос, и Мите волей-неволей пришлось сравнивать двух сестер. Какая противоположность! Самый снисходительный судья не мог бы назвать бедную Верочку хорошенькой. Она была двумя годами старше сестры, и, несмотря на то, равного с ней роста; правое плечо ее было сильно поднято вверх, а правая лопатка выпячивалась назад; на длинном, худощавом лице ее очень некрасиво выдавался большой нос и широкий рот; смуглая, желтая кожа ее казалась еще желтее и смуглее от голубого цвета ее платья и от голубых бантов, украшавших ее темные жесткие волосы.

– Ты какова? – вскричал Боря, не дав брату времени ответить на вопрос сестры, – ты две капли воды похожа на лягушку!

– Гадкий! Злой мальчишка! Как ты смеешь так говорить! – закричала Вера, и сердитое выражение лица сделало ее еще некрасивее прежнего.

– Дети, дети, опять вы ссоритесь! Как вам не стыдно! – раздался кроткий голос Софьи Павловны Петровской, входившей в эту минуту в комнату вместе с мужем.

– Да, мама, Боря меня называет лягушкой; как он смеет! – тотчас же обратилась с жалобой к матери обиженная девочка.

– Борис, ты вечно дразнишь сестер, – строго заметил отец, – тебя стоит в наказание за это оставить дома!

– Ну, полно, друг мой, – успокоительно заметила Софья Павловна, боявшаяся, чтобы муж действительно не подверг мальчика слишком строгому наказанию; – он ведь это сказал в шутку, не со злости; они беспрестанно ссорятся и мирятся, – не стоит обращать на это внимания. Одевайтесь скорей, дети, – карета приехала, мы и так опоздали.

Боря, взглянув на отца, увидел по глазам его, что он не намерен противоречить матери, и в восторге, что грозившая беда миновала, быстро перекувырнулся вверх ногами, так же быстро поцеловал руку матери, и в один миг очутился в передней, куда за ним последовали все остальные.

Закутавшись в теплые шубы, теплые сапоги и теплые шарфы, семейство уселось в карету. Был второй день рождественского праздника, на дворе стоял сильный мороз, но дети не чувствовали холода; Боря с Жени находили даже, что в карете слишком душно и упростили отца позволить опустить одно стекло. Они оба были в самом возбужденном, веселом расположении духа; наперебой сочиняли разные глупости, хохотали, болтали, не умолкая ни на минуту. Митя принимал участие в их веселье, насколько ему позволяло его достоинство гимназиста второго класса. Софья Павловна с улыбкой удовольствия поглядывала на детей, и даже отец терпеливо переносил, что маленькие ножки Жени беспрестанно толкали его, а Боря чуть не сбил ему шапку с головы, бросившись смотреть на елку, зажженную в окне одного дома, мимо которого они проезжали.

Правда, детям было отчего радоваться: они ехали к своей тетке, Варваре Андреевне Баймаковой, на елку, и не только на елку, но еще на детский бал, который должен был начаться с восьми часов, когда елка погаснет. Да сих пор дети никогда еще не бывали на детских балах; они думали, что балы даются только для взрослых, и вдруг оказывается, что баловница-тетя устраивает бал для детей, – настоящий бал: с оркестром музыки, с угощением, с ужином. Тут было от чего придти в восторг, от чего было и волноваться, и радоваться!

Одна только Вера не разделяла этого веселья. Девочка сидела в углу кареты, молча и надувшись: она все еще не могла забыть обиды, нанесенной ей братом.

«Ишь как веселится! – думала она, с неудовольствием поглядывая на Борю, – как будто и не виноват! И папаша-то хорош: только пострашал, что накажет, да и забыл! А все мама заступается! Конечно, как можно наказать любимого сынка, а что он меня обидел – не беда! Вот если Женьку – другое дело, а за меня никто не заступится... Что выдумал: лягушка! Сам-то очень хорош! Настоящий...» – и сердитая девочка придумывала разные, вовсе нелестные прозвища оскорбившему ее брату.

Карета ехала очень быстро и скоро остановилась перед домом Варвары Андреевны. Варвара Андреевна была женщина богатая, веселая, щедрая, никогда не жалевшая денег для удовольствия своих трех детей: Зои, Жоржи и маленькой Ади. Племянников она также очень любила, но особенной любимицей ее была хорошенькая Жени, хотя и к остальным детям она всегда была до баловства добра.

В этот раз у нее должно было собраться довольно многочисленное общество; не считая взрослых и совсем маленьких детей, приятелей четырехлетней Ади, танцоров и танцорок от семи до семнадцати лет приглашено было человек двадцать пять.

Войдя в переднюю, Петровские тотчас заметили по веселому гулу, доносившемуся до них из других комнат, что гостей собралось уже много. И в самом деле, все приглашенные на елку съехались, ожидали только их, чтобы засветить дерево.

Митя держал себя, как следует благовоспитанному гимназисту, и, стараясь скрыть свое нетерпеливое ожидание предстоящих удовольствий, любезно раскланивался и разговаривал с гостями; зато Боря и Жени до того ясно выказывали свое волнение, что едва отвечали на поцелуй Зои и Жоржи и чуть не забыли поздороваться с теткой.

Вера была взволнована не меньше их, но к ее ожиданиям примешивалось неприятное чувство: она сразу заметила, что и тетка, и Зоя встретили Жени нежнее, чем ее, что один из гостей заметил, обращаясь к ее матери: «Какая красавица ваша Женичка!», а другой сказал про ее братьев «Как они выросли, какие стали молодцы!» О ней никто ничего не говорил, ее никто не хвалил, никто особенно не ласкал, и сердито завистливое чувство, с каким она поглядывала на других детей, еще больше портило ее некрасивую наружность.

Наконец, дверь в залу растворилась и дети веселой толпой побежали к ярко освещенному дереву. Красивая, роскошно убранная елка не удивила богатых петербургских детей; они мельком взглянули на дерево и обратили главное внимание на стол с подарками; каждый из приглашенных гостей нашел свое имя на билете, прикрывавшем или игрушку или книгу, или какую-нибудь хорошенькую безделушку. Вера прежде всех отыскала свой подарок: это была книга в красивом переплете, с хорошенькими, раскрашенными картинками. В первую минуту девочка очень обрадовалась: она любила читать, а в особенности любила рассматривать картинки; но вдруг глаза ее упали на Жени, вынимавшую в эту минуту из картонки богато одетую куклу, с длинными черными волосами, – и вся ее радость исчезла.

«Видно, что любимица: вон какую чудную куклу ей подарили!» – подумала она и, небрежно бросив книгу на стол, подошла к сестре.

Жени, в восторге от полученного подарка, бросилась всем его показывать.

– Боря! – кричала она, подбегая к своему любимому брату, – посмотри, какую прелесть мне подарили! А у тебя какая игрушка?

– Вот выдумала – игрушка! – с презрением отвечал Боря, – точно я маленький! Тетя знает, что в мои годы игрушки уже не занимают... Посмотри, какую славную книгу она мне подарила!

Жени с недоверием посмотрела на своего мудрого брата, равнодушно повертела в руках его книгу и пошла хвастать своим сокровищем перед девочками. Вера также слышала слова Бори и они утешили ее.

«Может быть, тетя и в самом деле подарила мне книгу, а не куклу, потому, что я умнее Жени», – подумала она и снова возвратилась к своему подарку. – «А ведь Борина книга больше и толще», – опять мелькнуло в голове ее и, воспользовавшись тем, что брат ее отошел от стола, она быстро смирала обе книги: действительно, Борина была пальца на два больше и значительно толще ее. На душе завистливой девочки снова стало грустно.

Варвара Андреевна увидела недовольное выражение лица племянницы и подошла к ней.

– Ну что, Верочка, – ласковым голосом спросила она, – угодила ли я тебе? Нравится ли тебе твоя книжка?

– Борина больше! – вместо благодарности отвечала девочка.

– О книгах судят не по величине, а по тому, что в них написано, – несколько недовольным голосом заметила Варвара Андреевна и отошла от девочки, думая про себя, что у нее отвратительный характер.

Рассматриванье подарков и разговоры о них так заняли детей, что они почти не заметили, как свечи на елке догорели; надобно было приняться за обрывание с дерева конфет, и вместе с последним яблочком, снятым с ветки Жоржем, погасли и последние две свечки. Детям вдруг стало как-то грустно при виде темного, пустого дерева, и они в раздумье стояли вокруг него.

Варвара Андреевна тотчас заметила это настроение гостей своих и поспешила рассеять его.

– Ну, господа, – громким, веселым голосом произнесла она, – милости просим в столовую, напейтесь чаю и приготовьте ноги: сейчас заиграет музыка!

Дети с удовольствием последовали приглашению любезной хозяйки, и только младшие из них долго засиделись за бутербродами и сладкими печеньями, поданными к чаю; старшие же спешили допить свои чашки и вернуться в залу, откуда уже доносились звуки настраиваемых инструментов.

Бал удался, как нельзя лучше; сказать по правде, он шел не совсем так, как идут балы для взрослых; многие дамы бегали, вместо того чтобы танцевать, многие кавалеры ни за что не могли попасть в такт, приглашение на танцы часто выражалось просто дерганьем за

руку или словами: «Давай-ка, пойдем!», а в ответ нередко слышалось нелюбезное: «Ну, с тобой не хочу, ты не умеешь!»; в кадрили фигуры часто путались, а во время вальса две пары столкнулись так, что обе полетели на пол; но все это не только не мешало удовольствию, а напротив, увеличивало его. Взрослые гости любовались веселостью детей и подсмеивались над чопорными четырнадцатилетними барышнями, гримасничавшими, чтобы походить на больших девиц, и над пятнадцатилетними франтами, старавшимися казаться разочарованными мужчинами.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы все танцующие равно веселились: среди них были дети неловкие, застенчивые, которые не решались сами приглашать других на танцы, а скромно сидели по углам, ожидая приглашения, и затем неуклюже, медленно выделявали па, краснея и сбиваясь беспрестанно. К числу таких детей принадлежала и Вера: ей постоянно хотелось заслуживать одобрение, похвалы, она постоянно боялась насмешек, и потому, конечно, не могла держать себя свободно, непринужденно. Она ни за что не согласилась бы, как Жени, вальсировать по зале с куклой вместо кавалера, она ни за что не решалась, как Зоя, сама подбегать к мальчикам и звать их на танцы, а между тем к ней подходили немногие. Она была очень неловка, быстрое движение скоро утомляло ее; вечно занятая мыслью, как бы не сделать чего-нибудь смешного, она была невесела, неразговорчива, и маленькие танцоры избегали ее. Большую часть вечера сидела она неподвижно в углу, наморщив брови и завистливыми глазами следя за мелькавшими мимо нее парами. Гувернантка Баймаковых заметила невеселое выражение лица девочки и подошла к ней.

– Вы, кажется, не очень любите танцевать, моя милая, – ласковым голосом сказала она ей, – пойдемте со мной в детскую, посмотрите, как там веселятся Адя и другие дети; может быть, и вам захочется поиграть с ними. – Лицо Веры вспыхнуло; доброта гувернантки не тронула, а раздражила ее. «Жени двумя годами моложе меня да танцует с большими, – мелькнуло в уме девочки, – а меня хотят засадить в детскую с трехлетними крошками».

– Играйте сами с Адей, если это вам нравится, – грубым голосом проговорила она, – я не уйду отсюда!

Она встала с места и отошла от гувернантки, с удивлением и жалостью поглядевшей вслед ей.

Пробираясь между танцующими парами, Вера стала за дверью в гостиную. В этом уголку никто ее не видел; она могла на свободе хмуриться, ворчать и грызть от злости свой батистовый платок.

– Жорж, – услышала она за дверью голос тетки, стояв шей у входа в гостиную, – ты забыл, о чем я тебя просила?

– О чем, мама?

– Стараться, чтобы всем гостям у нас было весело, расшевеливать конфузливых мальчиков, танцевать с девочками, с которыми другие не танцуют.

– Да я же это и делаю, мама. Я и Борю просил помогать мне. Смотри, как мы расшевелили Ваню Ланина: он прежде боялся с места встать, а теперь – видишь, как отплясывает. Вон Боря танцует с этой толстушкой, как ее? – Сашей Кузьминой, а я сейчас только посадил Глашу Ильину, она мне все руки оттянула!

– А с Верочкой Петровской отчего же ты не танцуешь?

– Ах, мама, да я ведь уже раз танцевал с ней! Она такая неповоротливая, скучная!.. С ней просто мученье!

– Не думаю, чтобы для тебя в самом деле было так тяжело доставить удовольствие бедной девочке, которая должна очень скучать, – серьезным голосом заметила Варвара Андреевна.

Жорж ничего не отвечал и пошел искать по залу свою некрасивую кузину.

Вера не проронила ни одного слова из разговора матери с сыном и положительно задышалась от гнева. Тетка называет ее «бедной» девочкой, Жорж, – этот гадкий, отвратительный Жоржка! – смеет говорить, что танцевать с ней – мученье, смеет думать, что сделает ей благодеяние, если пригласит ее! Она вышла из своего угла и опустила на первый попавшийся стул. Жорж тотчас же заметил ее и подошел к ней.

– Вера, пойдем танцевать, сейчас заиграют кадрили, – сказал он.

– Не хочу, – проговорила девочка, отвертываясь от него.

– Отчего же это ты? Ведь ты умеешь? Пойдем, не упрямься!

– Говорю тебе, не хочу; оставь меня в покое.

– Какая ты, право, сердитая! Вон уже заиграли! Идем скорей!

Он взял ее за руку, готовясь ввести в круг танцующих, но Вера, потеряв всякое самобладание, со всей силы ударила мальчика по лицу. Жорж поднял руку, чтобы отплатить ей тем же, но, к счастью, во время вспомнил, что перед ним слабая, болезненная девочка.

– Злючка! – сквозь зубы проговорил он и поспешил отойти от рассерженной девочки.

Поступок Веры заметили многие; через несколько секунд, говорили о нем в зале и в гостиной. Взрослые с сожалением поглядывали на Софью Павловну, понимая, как тяжела была эта история для материнского сердца. Дети были безжалостны к маленькой преступнице: они делали вид, что боятся ее, нарочно отбегали от нее подальше, и в то же время смеялись над ней, награждали ее разными нелестными прозвищами. Вера, вне себя от гнева, бранила всех и готова была даже драться; к счастью, встревоженная Софья Павловна поспела вовремя, чтобы удержать ее. Она сразу заметила по взволнованному лицу девочки, что всякие расспросы и увещания напрасны.

– Вера! – серьезным, почти строгим голосом сказала она. – Иди скорей одеваться: горничная тетеньки отвезет тебя домой.

Девочка не сопротивлялась, она даже рада была скорей уйти из этой ярко освещенной комнаты, где она испытала так много неприятностей от этих смеющихся, нарядных детей, готовых безжалостно замучить ее своими насмешками.

И вот, кончился для нее веселый праздник, о котором она мечтала не меньше других, к которому она готовилась всех усерднее и суетливее. Он кончился и не оставил в душе ее ни одного из тех светлых воспоминаний, которые после всякого такого праздника надолго красят и веселят однообразную будничную жизнь. Напротив, ей было так грустно и тяжело, что только стыд перед чужой горничной заставлял ее сдерживать рыдания, душившие ее во все время дороги домой. Дома она ничего не отвечала на расспросы при слуги, удивлявшейся, что барышня вернулась одна и так рано. Она поспешила раздеться, сердитым голосом приказала горничной унести свечу и, оставшись на постели в темноте, вполне предалась своим чувствам. Сначала она била кулаками подушку и одеяла, в бессильном гневе не только против Жоржа и других детей, обидевших ее, но и против тетки, против родителей, против братьев, против гувернантки и против ни в чем не виноватой Жени. Мало по малу гнев ее затих и заменился горьким сожалением о себе, о своей несчастной судьбе... «И отчего это я не такая, как другие, – думала бедная девочка, обливаясь слезами, – отчего я не такая хорошенькая, как Жени, отчего никто меня не любит, все меня обижают, все смеются надо мной! Даже мама не так ласкает, как других: других она называет „моя радость“, „мое сокровище“, а мне всегда говорит „Моя бедная девочка!“ Несчастливая я, несчастная!»

Когда остальная семья вернулась домой, Вера спала тяжелым, тревожным сном. Андрей Андреевич очень сердился на свою старшую дочь и всю дорогу уверял, что примерно накажет ее; но когда Софья Павловна подвела его к кровати девочки и указала ему на ее жалкую, худощавую фигурку, разметавшуюся на постели, на ее бледное личико, опухшее от слез, ему стало жаль ее и он тихо прошептал:

– Бедняжка! Она довольно наказана!

Глава II

Те тяжелые часы, которые Вера провела, рыдая на своей постельке, пока ее братья и сестра веселились на вечере, были не первыми горькими часами в жизни девочки. Рано, очень рано начала она сравнивать себя с другими детьми, завидовать их преимуществам, мучиться своими недостатками.

Она родилась слабым, болезненным ребенком. Трех лет она едва могла ходить на своих тоненьких, кривых ножках; на шестом году кривизна ее спины стала заметна и увеличивалась с каждым годом; росла девочка очень медленно, желудок ее переваривал слабо, беспрестанно приходилось держать ее на самой строгой диете. А между тем, в одной с ней комнате жили ее братья – сильные, здоровые мальчики. Ей хотелось гулять вместе с ними, принимать участие в их играх, есть столько же, сколько ели они, а все это было для нее невозможно.

– Отчего же Митя и Боря идут, а мне нельзя! – плаксивым голосом говорила она, видя, как братья торопились надевать свои кафтанчики, чтобы идти в морозный зимний день.

– Отчего же ты Мите и Боре дала гостинца, а мне нет? – приставала она к матери, боявшейся лишним лакомством расстроить и без того слабый желудок болезненного ребенка.

– Они больше тебя, они мальчики! – говорила мать в утешение ей. И это отчасти утешало девочку. Она также вырастет, тогда и она будет бегать, гулять, есть гостинцы, как братья; мальчиком она, правда, не сделается, но это не беда, – няня говорит, что зато она будет носить хорошенькие платьица и шляпочки, каких мальчики не носят. Дело пошло хуже, когда подросла маленькая Жени. Живая, резвая девочка, несмотря на разницу лет, могла участвовать почти во всех удовольствиях братьев. Теперь уже нельзя было говорить Вере, что должна сидеть одна в комнате или довольствоваться вместо трех двумя кушаньями за обедом, потому что она «девочка», потому что она «маленькая». Другая девочка, еще меньше ее, пользовалась тем, в чем ей отказывали, и это на каждом шагу возбуждало в ней чувство самой мучительной зависти.

«Да отчего же Жени? Я хочу, как Жени! Дай мне, Жени!» – беспрестанно слышался ее то жалобный, то сердитый голос. Мать пробовала кротко объяснять ей, что не все дети равны, что Жени здоровее ее, что вещи, которые очень полезны для Жени, могут повредить ей, и т. д. Она была еще слишком мала и глупа, чтобы понимать такие рассуждения; она отвечала на них припадками гнева, топала ногами, отталкивала мать и часто старалась вымещать досаду на сестре, ни в чем не виноватой. Она ломала игрушки Жени, портила ее вещи, дразнила ее. Жени, конечно, не сносила этого терпеливо: она плакала, жаловалась няне или матери, Веру бранили, наказывали, и это еще больше раздражало девочку. С братьями она также беспрестанно ссорилась: они были мальчики не злые, вовсе не хотели обижать сестер, но, как почти все дети, не понимали и не умели щадить чувств других; они удивились, отчего Жени весело смеется, когда ее называют «большеглазая», «стрекоза», а Вера плачет и злится при слове «горбунья», черепаха неповоротливая. Им казалось вполне естественным не допускать к участию в своих играх сестру, которая бегала очень тихо, задыхаясь, которая не умела ни лазать, ни скакать, до которой нельзя было пальцем дотронуться, чтобы не услышать тотчас: «Пожалуйста, осторожнее с Верой! Не толкните Веру! Не ударьте Веру!», и которая сама пищала и целый час плакала от самой, по-видимому, незначительной боли. Они не понимали, с какой горечью следила бедная болезненная девочка из своего уголка за их веселыми, шумными играми, с какой горечью глядела она на их оживленные, раскрасневшиеся лица, когда они возвращались с далекой прогулки; они возмущались, когда на их рассказы об испытанных удовольствиях она отвечала грубо и сердито; они убегали от нее, бросая ей какое-нибудь насмешливое прозвище, еще более увеличивавшее ее озлобление. Мать отчасти понимала тяжелое положение девочки и старалась, как умела, помочь ей, но

она не могла много заниматься ею. После Жени у нее родилось еще два мальчика и девочка. Они, как и все малютки, требовали от матери самого тщательного ухода; но, несмотря на ее заботы, умирали рано, после продолжительных болезней. Отец не занимался воспитанием детей; слыша шум и ссоры в детской, он входил туда только для того, чтобы наказать виновных, и виноватой почти всегда оказывалась Вера. Он наказывал ее, возмущался рассказами о ее злости, находил, что с ней надо обращаться строго, начинал муштровать девочку. Она не поддавалась, плакала, злилась и, в конце концов, заболела. Тогда отцу становилось жаль ее, он ее ласкал, грозил строго расправиться со всяким, кто обидит ее, покупал ей игрушки. Вера пользовалась этой слабостью отца и начинала распоряжаться в детской как маленький тиран. Нянькам, братьям, сестре, прислуге – всем доставалось из-за нее, и все, конечно, пользовались случаем отомстить ей, когда проходил прилив отцовской нежности.

Так шло детство девочки: в постоянной борьбе с окружающими, в постоянной зависти и злобе. Она не любила ни братьев, ни сестру, и они платили ей тем же; прислуга и няньки тяготились ею, тяготились той лишней работой, и какую надо было делать для нее, как для ребенка болезненного, и теми неприятностями, какие приходилось терпеть от ее дурного характера. Отец и мать смотрели на нее не с радостной надеждой, как на других здоровых детей, а с грустью и жалостью.

Вере было семь лет, когда у детей сделалась скарлатина. Митя, Боря и Жени поправились быстро, но у Веры и младшего двухлетнего братца ее болезнь приняла серьезный оборот. Малютка не вынес ее и умер, а Вера медленно поправлялась. Лежа на постельке, с закрытыми от слабости глазами, девочка слышала, как в соседней комнате мать рыдала над телом своего младшего любимого сына.

– Полно, не сокрушайся так, – утешал ее отец: – мы должны радоваться, что хотя остальные дети живы!

– Да отчего же именно он умер! – плакала мать, – он был такой славный ребенок, так радовал меня! Уж умерла лучше бы Вера: она все равно вечно болеет!

Слова эти, – необдуманные слова, нечаянно вырвавшиеся у огорченной матери, – легли тяжелым камнем на сердце бедной девочки. До сих пор, замечая, что мама ласкает ее чаще, чем других детей, и заботится о ней больше, чем о других, она считала себя ее любимицей, и это утешало ее. «Пусть папа и няня, Митя и Боря больше любят Жени, – думалось ей, – зато мама любит меня больше всех!» И в те немногие добрые минуты, когда ничто не раздражало ее, когда она, как всякий ребенок, чувствовала желание любить и быть любимой, она доверчиво шла к матери и со страстной нежностью отвечала на ее тихие ласки. Теперь это кончено! Она узнала, что мать не любит ее, что мать заботится о ней, ласкает ее только из жалости, как она один раз из жалости приласкала больного щенка, выброшенного на лестницу.

Вера никому не намекнула на услышанные ей случайно слова, на страдания, причиненные ей этими словами, но в ту же ночь с ней сделался сильнейший жар. Она целую неделю была на краю гроба и, по словам доктора, только чудом осталась жива. Выздоровление ее шло очень медленно, а когда она снова вернулась в круг детей, все заметили, что стала больше прежнего дика и молчалива, что она еще меньше выказывает дружелюбия к окружающим и что она странно чуждается матери.

«Я знаю теперь, что никто меня не любит, – думала девочка, сердитыми глазами глядя на окружающих, – ну, что же? – и я никого не люблю и не хочу любить, а все-таки я мамина дочка, она должна делать для меня все то, что делает для Жени». И девочка зорко следила за всеми поступками матери и окружающих, готовясь каждую минуту защищаться от тех, по большей части воображаемых, несправедливостей, которые они делали относительно ее.

– Мама, отчего же вы купили Жени новое платье, а мне нет? – спрашивала она, видя, что мать кроит только одно платье.

– Жени перепачкала свое розовое платье, а твое еще совсем хорошо, ты надевала его всего один раз.

– Ну, так что же? Если я ношу платья бережливее чем Жени, так пусть у меня и будет больше. Нет, мама, непременно купите и мне такое же!

– Полно, Верочка, для чего же покупать лишнее! Когда тебе понадобится платье, я и тебе куплю.

– Нет, мне надо теперь, вместе с Жени! Вы ее больше любите, оттого и делаете ей больше чем мне.

И девочка начинала рыдать и не успокаивалась до тех пор, пока мать не уступала ее просьбам.

– Папа, вы дали братьям по целому яблоку, отчего мне половину? – приставала она к отцу.

– Оттого что яблоки тебе вредны.

– Я съем половину, а вы мне все-таки дайте целое. А с другой половиной сделаю, что хочу...

Отец, не любивший возни с детьми, давал ей яблоко и она выбрасывала половину его за окно только для того, бы иметь удовольствие чувствовать, что ей дано не меньше чем другим.

Похвалы красоте и грациозности Жени возмущали ее.

«И ничего в ней нет такого особенного, – думала она иногда, рассматривая в зеркале свое собственное некрасивое лицо; она, правда, беленькая, но зато у меня глаза больше и брови гуще; мама лучше наряжает ее, оттого она и кажется красивее». И девочка внимательно следила, чтобы мама не надела ни лишнего бантика, ни лишнего кусочка кружев на ее меньшую сестру.

Легко себе представить, что при таком характере Веры жизнь в детской Петровских шла далеко не мирно, особенно если прибавить к этому, что Митя был очень самолюбив и, требовал от младших уважения к себе, как к старшему. Боря любил дразнить и насмехаться, а Жени плакала при и всякой неприятности и бежала под крылышко кого-нибудь из старших.

После детского бала, так несчастно окончившегося для Веры, ссоры детей еще более усилились. Родители Веры, видя заплаканное личико девочки ночью и ее бледность на другой день, думали, что она получила довольно тяжелый урок и не упрекали ее за ее вспыльчивость; но дети не оставляли ее в покое. Они приставали к ней с расспросами, с насмешками, повторяли, что говорили про нее другие гости, при всяком удобном и неудобном случае вспоминали о ее несчастном приключении и быстром удалении с бала. Вера из себя выходила от гнева, осыпала всех бранью и оскорблениями, доходила до того, что, несмотря на свое бессилие, начинала драку. Жени с писком и слезами бежала жаловаться отцу или матери, братья сами расправлялись со «злюкой»; вместо смеха и веселых игр, в доме беспрестанно слышались крики, бранчивые голоса, слезы.

– Это просто нестерпимо! – вскричал один раз вечером Андрей Андреевич, нарочно уставший детей пораньше спать, чтобы избавиться от неприятного шума, – везде дети ссорятся, но уже так, как у нас – нигде! Надобно положить этому конец!

– Что же ты думаешь сделать? – с тревогой спросила Софья Павловна.

– А вот что: с нового года засадить их вплотную за книги, да с осени и отдать всех в гимназии. Пусть девочки поступят хоть в подготовительный класс, все равно – только бы заняты были!

– Что же, это отлично! – согласилась Софья Павловна. – Боря очень балуется дома, ему осенью будет почти двенадцать лет – пора, мы и Митю двенадцати отдали в гимназию; для Жени это также будет полезно: пусть приучается трудиться, да меньше думать о нарядах; только насчет Верочки не знаю: она такая слабая...

– Ничего: меньше будет злиться, так скорей поздоровеет.

– Пожалуй, что и так.

На другой день детям было объявлено решение отца. Боря приуныл: он видел, как усиленно занимался его старший брат, как часто проводил над книгами целые вечера и целые праздничные дни, как редко можно ему было пошалить; и погулять, – такая жизнь казалась ему мало привлекательной. Девочки, напротив, были очень довольны. Жени радовалась тому, что попадет в многочисленное общество подруг; гуляя, она часто встречала толпы девочек, возвращающихся с сумочками и саквояжами в руках из училищ; идти в этой толпе, зная, о чем они так весело болтают, так громко смеются, представлялось ей в высшей степени приятным. Веру тоже манило в гимназию, главным образом, общество, которое она там встретит: там так много и детей, и больших, они еще ее не знают и не думают о ней ничего дурного; может быть, она понравится им, они полюбят ее... Она и там будет стараться все делать лучше, чем Жени, и учиться прилежнее, и вести себя скромнее; ее будут хвалить, папа и мама увидят, как они несправедливы, считая ее хуже Жени, им станет стыдно, и Мите, и Боре, и всем, кто теперь смеется над ней, станет очень, очень стыдно.

С нового года детям пришлось, как и сказал Андрей Андреевич, засесть за книги. До сих пор Боря учился у учителя только три раза в неделю, и учился, надобно сознаться, довольно лениво. Резвый, живой мальчик очень любил чтение, особенно чтение путешествий и всевозможных опасных приключений на суше и воде, но учебники возбуждали в нем непреодолимую зевоту. Девочки понемножку занимались с матерью: Жени казалась еще слишком маленькой, и Софья Павловна находила, что рано начинать серьезно учить ее. Верочка часто хворала. Почти играя, мать выучила их читать, писать буквы, считать; до сих пор они не знали, что значит готовить заданный урок или сидеть за книгой, когда хочется поиграть. Теперь дело пошло иначе: учитель стал ходить к Боре каждый день; кроме того, мальчик должен был еще брать уроки у учительницы, которая аккуратно два часа в день занималась с его сестрами. Дети, особенно Боря, присмирели. Андрей Андреевич отчасти достиг своей цели; в детской слышалось меньше шума и ссор. Учительница находила, что Вера внимательнее и прилежнее сестры, и часто хвалила ее. Это подстрекало самолюбие девочки: она по целым часам просиживала за книгами и, ответив урок лучше Жени, чувствовала себя счастливой, меньше злилась, меньше обижалась. Среди занятий время шло для детей очень быстро. Незаметно пролетело полгода, лето близилось к концу, а с тем вместе приближался и день вступительного экзамена. Боря должен был экзаменоваться в первый класс мужской гимназии, обе девочки – в подготовительный класс женской. Учительница твердила, что Вера смело могла бы поступить и в седьмой класс, но Софье Павловне хотелось, чтобы учение давалось как можно легче слабенькой девочке: она все боялась за ее здоровье, и потому уговорила ее поступить в один класс с сестрой.

– Не беда, что первое время тебе будет легко, – убеждала она ее: – зато ты можешь отличиться, сразу стать первой в классе.

«И выше Жени» – мысленно договорила Вера, и это соображение заставило ее согласиться.

Глава III

Настали первые дни августа, а с ними и страшные для детей экзамена. Восьмого числа назначен был экзамен в мужской гимназии, куда должен был поступить Боря; девятого – в женской, куда собирались девочки, Боря сильно храбрился, и на все вопросы домашних: «что, страшно, боишься?», отвечал смехом и уверениями, что не чувствует ни малейшего страха. Андрей Андреевич сам повез его в гимназию; остальная семья с нетерпением ожидала их возвращения. Даже Вера забыла на время думать о самой себе и не завидовала тому, что мама все говорит и заботится об одном Боре.

В четыре часа раздался резкий звонок; дети выбежали в переднюю. При первом взгляде на лица вошедших видно было, что дело неладно. Андрей Андреевич смотрел строго и сердито, Боря был бледен и сконфужен.

– Ну, что? – нетвердым голосом спросила Софья Павловна.

– Да то, чего я и ожидал! – резко отвечал Андрей Андреевич, шумно входя в столовую: – я всегда говорил, что это негодный лентяй! Срезался на всех предметах! Из русского получил двойку, из закона Божия двойку, из арифметики учитель прямо мне сказал, что он ничего не знает... Что мы теперь будем с ним делать? В мастерство его отдать какое-нибудь? Так ведь и там лентяев не потерпят! Пастухом его сделать, свинопасом – он ни на что другое не годен...

Во время всей этой сердитой речи отца, Боря стоял молча, опустив голову, видимо с большим трудом удерживаясь от рыданий. Софья Павловна понимала, как страдал бедный мальчик, как тяжело был он наказан за свою леность и беспечность, но она не хотела приласкать его, выказать ему сочувствие, чтобы еще больше не раздражить мужа.

Митя и девочки также присмирели и с состраданием поглядывали на брата. Горничная, вошедшая объявить, что обед подан, положила конец тяжелой сцене. Молча, грустно сидели все за столом. Жени попробовала было заговорить о чем-то постороннем, но строгий взгляд отца заставил ее прикусить язычок.

– Вот посмотрим, что-то завтра вам будет, – заметил Андрей Андреевич, когда девочки подошли благодарить его за обед, – пожалуй, также осрамитесь!

И слова эти пробудили в них на время забытый страх.

– Верочка, давай учиться, я все нетвердо знаю молитвы, – шепнула Жени.

И обе девочки уселись, с книгами в руках, в уголке детской.

Софья Павловна сама хотела везти их на экзамен, но, как нарочно, у нее с утра сильно разболелась голова и им пришлось ехать с отцом, что еще более усиливало их тревогу: руки Веры дрожали до того, что она едва могла застегнуть пуговку своей кофточки, у Жени побелели не только щечки, но даже губки.

– Бедные деточки, они волнуются! – вздыхала Софья Павловна, – будет ли им удача... – И забота о детях еще больше увеличивала ее боль. К счастью, ей пришлось ждать недолго. Во втором часу Митя с радостным лицом вбежал к ней в комнату.

– Идут, мама, – кричал он: – и, должно быть, все сошло хорошо! Папа веселый, несет коробку, кажется, с конфетами!

Через две минуты девочки, запыхавшись от скорой ходьбы и волнения, уже обнимали мать. По их радостным, оживленным лицам видно было, что страшный экзамен окончился благополучно.

– Выдержали? Ну, как я рада! Рассказывайте же, рассказывайте подробно, как все было? – спрашивала мать, целуя и лаская их.

– Сегодня можно рассказывать, – заметил Андрей Андреевич, также входя в комнату жены, – хоть девочки не осрамили нас: Жени очень мило читала и по-русски, и по-французски, по-немецки немного сбивалась, но учительница похвалила ее за хороший выговор, в

счете она также сплеховала, но это, говорят, ничего; а Вера так просто отличилась. Начальница говорит, что она без труда могла бы поступить и в седьмой класс, – все ею восхищались.

– Умница, Верочка, поздравляю! – и мать еще раз нежно поцеловала обрадованную девочку.

Этот день был днем торжества для Веры: ее хвалили, ласкали, отец беспрестанно называл ее «своей умницей», гостям, приехавшим к обеду, рассказали о ее успехе, братья и Жени не только не смеялись над ней, а напротив – относились к ней с каким-то уважением; даже прислуга смотрела на нее приветливее, услуживала ей охотнее обыкновенного. Девочка краснела, глаза ее сияли торжеством, она не опускала головы, не хмурилась, не подозревала в каждом слове оскорбления, глядела смело и бодро, охотно прислушивалась к разговорам гостей, беспрестанно ожидая чего-нибудь для себя лестного. Одно несколько нарушало ее праздничное настроение: ей казалось, что мать слишком холодно относится к ней, слишком мало сочувствует ее торжеству. На самом же деле Софья Павловна была от души рада, что на долю ее бедной, обиженной природой, девочки выпал счастливый день; ей приятно было думать, что у Веры, может быть, разовьется любовь к умственному труду, что-то умственное превосходство, которое она приобретет, поможет ей победить неприятные стороны ее характера, заставит окружающих забыть о ее физических недостатках. Она с любовью глядела на сиявшее лицо девочки, на ее небывалое оживление... Но еще более нежности чувствовала она, когда глаза ее обращались на грустного, униженного, подавленного своей неудачей Борю. Куда девалась вся бойкость, вся неугомонная резвость, вся шумная веселость бедного мальчика! Он сидел неподвижно, бледный, молчаливый, едва поднимая глаза, односложно отвечая на все вопросы, с которыми к нему обращались. А Андрей Андреевич, как нарочно, во всех похвалах Вере делал колкие намеки на него, сравнивал их рост, здоровье, время, когда они начали учиться, говорил о том, какое мученье иметь сыновей, как много хлопот и как мало радостей доставляют они, спрашивал, не знает ли кто-нибудь такой должности, на которую нужны лентяи, и так далее и тому подобное.

Мать понимала, как болезненно отзывались все эти слова в сердце чувствительного мальчика; она не могла вполне радоваться радостью одного ребенка, когда подле нее страдал другой.

После обеда Боря не мог долее выдержать, он незаметно ускользнул из комнаты, убежал в детскую и, бросившись на кровать, дал полную волю слезам. Не прошло и четверти часа, как подле него уже сидела мать. Не стесняясь присутствием ни мужа, ни посторонних, она дала полную волю своей нежности: она осыпала мальчика ласками, она старалась утешить и, главное, ободрить его; она доказывала ему, что для него далеко не все потеряно, что он вполне может загладить свою прежнюю лень усиленным трудом, что при его хороших способностях ему не трудно будет достигнуть успеха. И мало-помалу мальчик успокоился, глаза его заблестели надеждой и решимостью, на губах появилась прежняя светлая улыбка.

Вера, проходя мимо детской, увидела в полуотворенную дверь, что голова брата лежит на плече матери, что мать тихонько гладит его волосы и говорит с ним нежно, с любовью. Вся веселость вмиг исчезла с лица девочки. «Вот как, – думала она, медленно возвращаясь в гостиную, – мама сидит с Борей, чтобы ласкать и целовать его! Он – лентяй, негодный мальчик, ничему не хотел учиться, не выдержал экзамена, а она все-таки любит его больше, чем меня; на меня она и внимания не обращает, а я ведь умная, прилежная, все меня хвалят!» И, чтобы получить эти похвалы, она беспрестанно вертелась около отца или принималась громко рассказывать Мите все подробности экзамена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.